

ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

СЛЕПЕНКО
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА
(29.04.1920 – 30.07.2017)

*«Судьба моя не легкая, но это
судьба всего нашего поколения.*

*На долю нашего поколения
выпало много тяжелых испытаний,*

особенно в годы

Великой отечественной войны.

И всё же я доволен своей судьбой.

*Я рад, что у меня хорошая семья,
хорошие сыновья, хорошая жена,*

внуки и правнуки.»

СЛЕПЕНКО Н.И.

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

Дед мой Степаненко Кондратий Васильевич с женой Анастасией Алексеевной во времена крепостного права проживали недалеко от Новосибирска в Подольске. В те времена никому никуда нельзя было уезжать со своего места жительства. Премьер России Столыпин в 1861 году издал реформу об отмене крепостного права. В то время у деда родилась дочка.

Все Россияне поехали в разные стороны. Дед также запряг в телегу лошадку и поехал в восточном направлении в город Томск. В городе Томске что-то не сложилось. Они отправились в Юргинский район в деревню Белянино. В деревне Белянино остановились надолго. Дед был трудолюбивый. Построил домик. Занял денег и купил несколько штук телят. Стал их выращивать, а потом возить мясо на продажу в город Томск. В то время в деревне траву косили литовками. Дед купил конную сенокосилку, а через некоторое время молотилку. В деревне почти ни у кого этого не было.

Семья прибавилась. Народилось три мальчика и пять девочек, в том числе и мой папа Иван Кондратьевич, который родился в 1890 году. В 1910 году он построил большой добротный дом, который стоит и по настоящее время в отличном состоянии. Мой папа был хорошим человеком - не курил, водку не пил, да и прожил 73 года.

Мама моя - Василиса Васильевна была привезена из деревни Пашково Томской области. Отец потом на ней и женился. Но я её не помню, потому, что она умерла, когда мне было один год и шесть месяцев и всю свою жизнь я ношу горе и печаль в душе. Со мной после смерти мамы осталась сестренка Дуся. Ей в то время было три года. Дусю после смерти мамы взяла к себе бабушка Марфа Семёновна, которая проживала недалеко от нас. У них не было своих детей. После смерти мамы в 1922 году мой отец вскоре женился. Взял в жены Сергееву Анну Степановну. Папе в то время было 35 лет, а Анне Степановне 29 лет.

Я родился 29 апреля 1920 года, а 7 ноября 1924 года умер мой дед. Мне было 4 года. Я заполнил на всю жизнь, как его хоронили. В день похорон был праздник, и граждане ходили по деревне с красными флагами.

В доме с нами проживал дядя Петя со своей семьёй, это брат моего папы. В 1925 году весной, мой папа и дядя Петя решили разделить дом и всё хозяйство на двоих. Хозяйство было хорошее. Разделили всё вроде бы нормально, а вот дом поделить не смогли, поссорились. А мама с тетей Физой, женой дяди Пети, не поделили большой глиняный горшок. Они его разорвали его пополам на моих глазах. Как-то раз я вышел на улицу смотрю, стоит на крыльце папа с топором в руках, а дядя Петя с вилами. Я закричал на них, они сразу всё бросили из рук, и разошлись в разные стороны. Вероятно, подействовал на них мой крик.

В мае 1926 года у мамы Ани родилась дочь Люба. А в августе этого же года произошел пожар, сгорели все стайки и дом, из-за которого отец с дядей Петей чуть не подрались. В это время все взрослые работали на полях. Мама стирала бельё, воду грела на печке, которая стояла во дворе. Мама говорит мне: «Я пойду на речку полоскать бельё, а ты посмотри за сестренкой, она в избе одна», только мама отошла, я услышал что плачет Люба. Я побежал в избу, а во дворе в это время бегал мальчик, сын дяди Пети, ему было в то время четыре года, он сунул в печку шумовку и потащил горящий уголь в стайку. Я выскочил из дома, смотрю, стайка пылает огнём, я закричал, да так, что многие сбежались и

стали тушить. Хорошо, что ветер был в другую сторону от дома, а то бы и амбар сгорел. Потом наша жизнь протекала нормально.

Мне исполнилось восемь лет. Я пошёл учиться в школу в 1-ый класс. В 1-ом и во 2-ом классах учился в своей деревне, а в 3-м и 4-ом классах учился в деревне Ново-Гутово, эта деревня находилась от нас на расстоянии четырех километров. В зимнее время, когда были большие морозы, мы жили в общежитии. А когда было тепло, ходили ежедневно домой. Летом мы рыбачили на речке. Рыбы было много. А зимой катались с горы на санках и на лотках.

В августе 1927 года мы с папой поехали на конной сенокосилке в Юргинский полигон косить траву на сено. В сенокосилке было два сидения. На одном восседал папа, а на второе он посадил меня. Это сидение находилось над правым колесом. Он говорит мне: «Будешь наблюдать, чтобы ничего не попало под косу». И я стал внимательно наблюдать за косой. Смотрю, лежит в траве снаряд трёхдюймовый, неразорвавшийся. Я закричал, папа мгновенно остановил лошадь. Мы соскочили с сенокосилки и видим, что коса не дошла до снаряда сантиметров десять. И если бы я проглядел, то произошла бы большая беда. Папа меня поцеловал, обнял и говорит: «Спасибо тебе, сынок». После этого мы бросили там косить и больше никогда на это место не возвращались.

В 1929 году во всех деревнях, в том числе и в нашей, организовали коммуну. Папа вступил в неё. В коммуну записалась треть нашей деревни. Всю скотину, зерно сдали по указанию высшего начальства, нам осталось несколько килограммов муки и куры. Была коммунарская пекарня и молоко выдавали по 2 литра на хозяина. Дядя Матвей уехал жить в Кемерово и в его доме открыли столовую, куда все ходили кушать. В общем, ничего хорошего. Коммуна была организована в начале зимы. К концу зимы корма кончились. Скот в коммуне началдохнуть от голода. Весной кое-как вспахали землю. Работали все. А для детей сделали детский садик, чтобы женщины смогли работать на полях. А нас, ребятшек, в количестве 8 человек заставили боронить землю. Бригадиром был Белянин Арсентий. Две бороны таскали две лошади. Я сидел на лошадке, которая была с нашего двора. Это была хорошая, послушная лошадь, а с левой стороны шёл молодой конь, он был ленивый. Я стал его подхлестывать плеткой, так как он плохо тянул борону. Я раза два хлестнул его, а на третий раз замахнулся, и он обернул голову и хватанул меня зубами за бок и стащил с седла под передние ноги кобылице. Произошло это в тот момент, когда лошадка хотела шагнуть и подняла левую ногу. Но отпустить её не стала. Несколько секунд я лежал под ногой у лошадки и глядел на копыто. Лошадка мгновенно остановилась, и я выскочил из-под её ног. Погладил её за голову, поблагодарил. Если бы лошадка не остановилась, то они бы могли меня заборонить. Бригадир посадил меня на телегу и отвез домой. Я был в тяжёлом состоянии. Мне долго снилось лошадиное копыто. Вот и сейчас,

когда прошло много времени, я вспоминаю и благодарю лошадку добрыми словами.

Летом 1930 года я прыгнул с моста в воду и этим хотел похвастаться перед мамой и сестрой, которые шли со мной по мосту. Но, прыгнув в воду, я захлебнулся, ушёл под воду и из-под воды пошли пузырьки. В это время к мостику спустился Белянин Фёдор Дмитриевич, он всё это увидел и, не задумываясь, в одежде, прыгнул с моста в воду и вытащил меня на берег, тем самым меня спас. Всю жизнь я вспоминаю его добрыми словами.

В коммуне хлеба не хватало. Папа работал пчеловодом. Бывало, папа накачает немного меда, и мы едем в совхоз, где мед меняли на кукурузный хлеб. А потом - на поля, где работали мужики. Там работавшие мужчины ждали меня как бога. Коммуна наша просуществовала полтора года. Жить было трудновато. Но жили как-то весело, всегда с песней, пели и мужчины и женщины, да и я с ними пел.

В 1931 году в газете «Правда» появилась статья

«Головокружение от успехов», где Сталин признал, что преждевременно были организованы коммуны и во всех деревнях стали создавать колхозы. Кто не хотел идти в

колхоз, тех облагали большими налогами. Если это не помогало, их раскулачивали и отправляли в Нарым в Томскую область на поселение.

Нам отдали нашу корову, которая в 1929 году была забрана у нас вместе с двумя или тремя овечками в коммуну. Папа продолжал работать пчеловодом. Жили нормально. Я зимой учился в школе, а летом работал в поле, помогал родителям по хозяйству. Рядом с нашим домом была гора. Весной снег с этой горы сходил рано. Взрослые, бывало, привезут и кинут к горе воз соломы и мы там проводили время. Молодёжи в деревне было много. Жить было весело.

Я закончил четыре класса, а в пятый класс надо было ходить за 15 км в деревню Поперечное. Вначале нас в школу из деревни ходило трое - Корчуганов Сергей, Ерлин Фёдор и я. Я с Ерлиным квартировал у моей тёти Аксиньи. Домик у тёти Аксиньи был небольшой - кухонька и комната 15 кв.м, а проживало на данной площади их трое и мы вдвоем, спали на полу. Да и дома я тоже спал на полу: под бок кидал шубу, а накрывался пальтецом. Мама не успевала пришивать рукава к пальто. Друг Ерлин Федор, товарищ по учёбе вскоре бросил учиться, а Корчуганов переехал учиться в Юргу. На выходные дни мы ходили домой. Занимались в школе во вторую смену. Дорога проходила через Юргинский полигон. По пути в школу, мы заходили к Ново-Гутовским парням. Их было трое. Однажды, мы зашли за ними, а они, не дождавшись нас, ушли раньше. По дороге они свернули на полигон, нашли неразорвавшийся трёхдюймовый снаряд и решили его разрядить. Свернули у заряда головку и потом стали копать в головке снаряда. Произошел взрыв головки. Бортникову Михаилу оторвало левую руку, он держал головку снаряда. Шубину поранило ноги, а

Балахнину осколок попал в бедро, он пробежал метров 50, упал и умер. Мы пришли на занятие в школу. А их нет в классе. А в конце уроков сообщили в школу об этом случае. Бортникова я после войны встретил. Он работал в совхозе «Хорошеборский» бухгалтером. Условия для учёбы были очень трудные. И как только у меня в то время хватило силы и желания учиться?

Как-то раз в деревню Поперечное приехала учиться моя двоюродная сестра Исакова Мария с двумя подругами из деревни Арлюк. Жили мы все в такой тесноте и питались, кто как мог. Парни все побросали школу, не стали ходить на учёбу. Зимой после окончания занятий вечером домой шел один пешком. Иногда дорогу снегом заметало, по снегу идти тяжело, а идти надо. Прихожу домой. А вся деревня уже спит, даже лай собак не слышно.

После выходных, в понедельник утром, мне дают провожатого и везут меня на лошадке в школу. Мама кладёт мне на неделю хлеба, несколько кружечек замороженного молока и я всю неделю этим живу.

В школе в первый год учёбы не было тетрадей. Писали на старых книгах между строк. Учебников не хватало. Одевался я плохо, не было возможности у родственников. Как ни трудно мне было, но я хотел учиться и это мне в жизни пригодилось. Большое спасибо за это моему папе. Он мне много помогал и наставлял на хороший путь в жизни. И ещё одному человеку «спасибо» - Григорию Николаевичу. Он прибыл из села Поперечное, принимал участие в разгроме белогвардейского восстания в д. Колывани. Мы

с ним хорошо подружились, он мне много рассказывал и многому учил меня. Вспоминается один хороший случай, летом 1931 года к нам в деревню пришли три колёсных трактора ХТЗ. Мы, пацаны, их встречали далеко за околицей и бежали за ними по всей деревне. Это был настоящий праздник для всех.

В 1936 году мы решили переехать в город Кемерово. Паспорта у меня ещё не было, и метрической выписки тоже не было. Папа отправляет меня со станции д. Шишино поездом до станции Юрга-1 на врачебную

комиссию. Денег на обратную дорогу дал немного. Они думали, что я быстро вернусь, а мне пришлось жить там, целую неделю. Деньги я все израсходовал на питание и на обратный проезд не осталось. И я решил ехать домой «зайцем». Доехал до станции Юрга-2, где меня высадили. Мне пришлось обратно на товарнике вернуться в г. Юрга, я решил идти пешком. А идти только до деревни Белянино нужно 30 км. Не дождавшись, когда расцветет, я двинулся в путь. Только отошёл от д. Искитим, поднялась сильная буря со снегом. Белого света не видно, дорогу перемело, и я сбился с дороги. Лазил, лазил по снегу, но никак не мог выбраться на дорогу. Чувствую, что сильно устал. Всю ночь не спал. Но собрал последние силы и продолжил идти по снегу, лишь бы не замерзнуть и найти дорогу. Вот тут я и решил обратиться к богу: «Господь бог, помоги мне выбраться на дорогу». И через несколько минут

смотрю я на небо, оно чистое, без снеговых туч. А метров тридцать от меня по дороге едет на двух санях мужчина, в мою сторону за сеном. Я крикнул ему. Он остановился, я вылез на дорогу, подошел к этому мужчине, он дал мне веревку одним концом, а другой за сани закрепил. Мы тронулись, я бежал за санями пока не согрелся. Потом он посадил меня на свои сани и довёз до самой деревни Ново-Гутово. А там, в это время, в сельсовете находился мой папа. Я и папа отблагодарили этого мужчину за моё спасение.

Получил я паспорт и в конце ноября мы двинулись в город Кемерово. Отец нашёл извозчика, погрузили наши вещи, привязали за сени корову. Сначала мы остановились у дяди Матвея, они жили в д. Улус (Мозжуха). Папа устроился работать в охрану на комбинат № 392. Впоследствии это завод «Прогресс». Я поступил учиться в школу ФЗУ. На занятия ходили через реку по льду. Немного пожили здесь, и переехали жить в деревню Евсеево к дяде Петру.

Дядя Петя жили вдвоём с женой Анфисой Васильевной. В небольшом домике. Я продолжал учиться в школе ФЗУ. Весной 1937 года меня приняли в комсомол. Папа продал корову и на эти деньги купил небольшой домик тесово-засыпной.

В деревне был построен клуб. В декабре месяце были первые выборы в Верховный Совет СССР. Всех комсомольцев собрали в школу и дали задание в день выборов патрулировать по деревне. Вероятно, боялись, чтобы никто не помешал провести выборы.

В 1938 году я закончил школу ФЗУ. Комбинат ещё не достроен. До пуска комбината нам пришлось немного поработать

на разных работах. Летом 1938 года всех жителей деревни Евсеево начали переселять на Правотомск. Нам выделили земельный участок № 25 по улице Артёма. Мы перевезли туда свою избушку. Папа в это период работал на лошади.

В декабре 1939 года комбинат начали запускать в работу и меня поставили работать бригадиром на последнюю фазу мешков пороха в пятом цехе. Мне было 18 лет. В бригаде был мастер Москалёв. Бригада состояла из 12 человек. Работали в две смены. Работать было трудно. Приходилось по разным причинам переделывать партии. Заказчики часто браковали партии. Да и сама жизнь была не очень хороша. После финской войны в магазинах ничего не было. Чтобы купить себе материал на рубашку, нужно было идти вечером занимать очередь в магазин, в котором пока для прилавка доберёшься, последнюю рубашку на тебе порвут.

АРМЕЙСКАЯ СЛУЖБА

Всем парням моего 1920 года рождения была бронь на призыв в армию, а для меня брони почему-то не было. Если бы меня не призвали в 1940 году служить в Армию, то судьба моя сложилась бы по-другому.

В октябре 1940 года меня призвали в армию и повезли на восток. Я попал во 2-ой отдельный понтонный полк. Полк в то время находился на реке Зейя в 20 км от города Благовещенска. Из вагонов нас сразу отправили в баню. После бани на нас одели форму, построили по отделениям, командир скомандовал: «Шагом марш, запевай!», но никто не запел. Он говорит: «На месте!», мы потоптались. Он опять: «Шагом марш, запевай!». Тогда я и запел песню «Катюша» и парни, которые шли рядом со мной, стали подпевать, так до казармы и шли с песней. А командир говорит мне: «Будешь запевалой роты, у нас такой порядок, строем шагай, песню запевай!».

Когда прибыли в полк, меня зачислили во взвод разведки и стали учить на старшего моториста на катер, где стояли два двигателя З ИС-5. Здесь же занимались боевой и политической подготовкой. На следующий год старички готовились к демобилизации, в то время я уже служил в 1-ой роте, в первом отделении старшим мотористом. Нас отправили на станцию Возжаевка, недалеко от города Хабаровска, мы не знали для какой цели, но позже, когда прибыли на место, всё поняли.

Нам предстояла большая работа. Рядом со станцией был расквартирован авиационный полк. Мы начали разбирать по частям самолёты и грузили их на платформы, потом для маскировки обивали самолёты снаружи досками и отправляли на запад. И только здесь мы поняли - что-то не так. Когда мы ехали в авиаполк, то увидели, что железнодорожная станция была забита войсками, направляющимися на запад. В то время на дальнем востоке

находилось много наших войск, так как со стороны Японии были попытки вторгнуться на нашу территорию. Это события у озера Хасан и у реки Хан-Хин Гол в Монголии.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

И вот 22 июня пришли после работы в палатку и услышали голос товарища Левитана по радио о том, что германские фашисты напали на нашу страну, бомбят наши города и деревни.

Сидим, молчим, каждый думает о своём, а думать было о чем - что будет с нашей страной, что будет с нами? Война есть война. Многие надеялись, что через некоторое время приедут домой, а сейчас приедешь ли вообще домой.

На другой день мы стали отправлять по четыре эшелона самолётов. После отгрузки самолётов нас отправили в свой полк. Шли дни. В ноябре 1942 года из нашего полка отправили много ребят на фронт. Оставили в основном мотористов. Рулевых и палубных потом тоже отправили. А к нам пришло пополнение, потому, что нельзя было оставлять в таком положении полк, так как

в 20 км от нас находилась Японская армия, которая могла в любой момент напасть на нас. Когда было сражение за Сталинград, у нас была готовность №1, потому что мы знали, если немцы возьмут Сталинград, то Япония выступит против нас.

В начале августа 1943 года наш взвод отправили в командировку работать на продуктовых складах на станцию Куйбышевка-Восточная. На складах мы грузили и выгружали продукты из вагонов, продукты были, в основном, американские, за исключением соли и сухарей.

25 октября 1943 года мы получили телеграмму: «Срочно всему взводу прибыть в распоряжение полка». Когда приехали, нашу роту уже погрузили на платформу и 26 октября мы тронулись на запад. Полк состоял из двух батальонов. Мы могли переплавлять на паромах танки, самоходные орудия, автотранспорт и наводить через реку железнодорожные мосты. В полку на вооружении находилось 250 катеров. Можно было собрать 125 паромов. В каждом отделении два катера, т.е. парома. В отделении два рулевых, начальник парома, он же командир отделения, два старших моториста, два моториста, четыре палубных.

Нормальный паром состоял из двух катеров, а усиленный из трёх. Пока были в пути, все были довольные, когда стали подъезжать ближе к фронту, стало как-то жутко, железнодорожные станции были разбиты, во многих местах возле железнодорожных линий валялись обгорелые вагоны.

ФРОНТ

4 ноября 1943 года наш состав прибыл в город Днепропетровск. Начали сразу же выгружать катера, ставить их на воду и

собирать паромы. Прибыли мы вовремя. Город был только что освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Во многих местах наши войска сражались на правом берегу Днепра. Железнодорожные мосты при отступлении немецких войск были немцами взорваны. За двое суток весь полк прибыл на место назначения. Паромы были все собраны и поставлены вдоль левого берега Днепра. 6 ноября 1943 года в 16 часов получили приказ: «Навести мост через Днепр». Береговая и подъездные пути уже были готовы. Наш паром был береговым, так как служил я в первом отделении 1-ой роты. В шесть часов вечера по нашему мосту пошёл на передовую линию фронта не только автотранспорт, но и поезда, груженые военной техникой и солдатами. Мост был такой как наш первый трамвайный в г. Кемерово.

В 7 часов вечера нас недалеко от моста собрали на комсомольское собрание, чтобы подвести итоги, не успели открыть собрание, как наши зенитчики открыли стрельбу. Один немецкий самолёт прорвался к мосту и начал сбрасывать на мост бомбы. Нам дали команду: «Всем на мост!». Я сидел у самой двери и выскочил первым. Когда прибежали к мосту, то увидели как две бомбы,

сброшенные немецким самолётом, не долетев метров пятнадцать до моста, упали. Убило часового и ранило женщину-зенитчицу зенитного пулемёта, а третья бомба перелетела через наш паром и, пролетев дальше парома метров девять, упала в воду около кормового отсека нашего катера. Смотрю, из машинного отделения валит дым. Кормовой отсек моего катера получил шестнадцать пробоин. Я заскочил в машинное отделение, там горит фуфайка. В кормовом отсеке в то время находилось два бензобака, наполненные бензином. Два осколка пробили стенку отсека и прошли в машинное отделение выше бензобака на пять сантиметров. И если бы эти осколки прошли ниже, то они попали бы в бензобак, и произошла бы большая беда. В первую очередь я ликвидировал очаг возгорания, а потом начал забивать пробоины в кормовом отсеке, чтобы не останавливать движение поездов. Во время движения поездов мост погружался в воду на 45 см. А мост в то время для наших войск имел большое стратегическое значение, так как наши войска во многих местах сражались с немцами на правом берегу Днепра, а железнодорожные мосты были везде взорваны немцами.

Город Днепропетровск в то время выглядел так - на левом берегу в основном индивидуальные домики, завод «Коминтерн» и школа. Всё это немцы при отступлении взорвали, а дома сожгли. По улицам торчали только одни печные трубы отопления. В самом городе немцы при отступлении так же сожгли много домов.

На следующий день наш взвод отправили на левый берег ремонтировать подъездную дорогу к мосту. С нами ещё много

работало солдат из другой части. Часа в два дня над городом на большой высоте появились три самолёта. Я говорю парням: «Это же немецкие самолёты». Только мы проговорили, начали наши зенитчики по самолётам стрелять. Раздалась команда: «Воздух! В укрытие!». Мы врассыпную кто куда. Бомбы на мост не попали, а все попадали на нашу дорогу и воду около моста. Я вместе с командиром взвода прыгнул в какую-то небольшую ямку. Одна вражеская бомба разорвалась от нас в десяти метрах, несколько человек ранило, двоих убило.

8 ноября 1943 года к нам на мост подошли три парня, жители города Днепропетровска и говорят: «Мы вчера своими глазами видели на Днепре какое-то чудо. Утром на реке ничего не было, а в шесть часов вечера появился мост, по которому пошёл не только автотранспорт, но и поезда».

9 ноября, ночью, немцы произвели воздушный налёт на город. Они стремились любой ценой прорваться к нашему мосту и разбить его. Но этого у них не получилось. Три немецких самолёта было сбито. Несколько жилых домов в городе были повреждены. Наши зенитчики хорошо поработали. Мост уцелел. Днём непрерывно в районе моста летали наши истребители, охраняли мост. По берегу реки, выше мост, по течению реки, в ночное время, выставлялись дозорные посты.

10 ноября 1943 года меня и Юшкова Ивана отправили в наряд, в дозор. Нам было приказано задерживать всех подозрительных лиц на берегу реки. В семь часов вечера мы заметили, что по реке плывёт подозрительный предмет примерно на расстоянии 25

метров от берега. Мы стали из карабинов стрелять по этому предмету. С третьего раза я попал в предмет, раздался сильный взрыв. Нас взрывной волной сбilo с ног. От моста мы находились километра полтора. На взрыв и нашу стрельбу прибежала из караула охрана. Оказалось, что диверсанты, выше нашего моста по воде пустили плавучую мину. Она была замаскирована. И если бы эта мина доплыла до нашего моста, не миновать беды.

11 ноября 1943 года не далеко от моста была построена рота, где командир полка перед всем строем, нам объявил благодарность и сказал, что представит нас к награде. И действительно, мы совершили такой настоящий поступок, многие в то время говорили, что мы заслуживаем наград, потому что этот мост для нашей армии был нужен как воздух для человека.

20 ноября 1943 года многие офицеры, сержанты и некоторые рядовые были награждены орденами и медалями за форсирование Днепра, нам с Юшковым также вручили медали за боевые заслуги. Мы, конечно, были довольны. Но многие наши друзья потом говорили, что наше командование неправильно отнеслось к нам. Себе ордена, а нам медали.

Мост наш находился метров на пятьдесят выше старого взорванного немцами моста. А ниже того старого моста сапёры к тому времени выстроили свайный мост. В начале декабря по Днепру пошёл ледоход. Мост наш сорвало с якорей льдом. В это время ночью по мосту двигался поезд, гружённый продуктами для фронтовиков. Паровоз успел пройти, а вот вагоны все остались на мосту. После этого рвали лёд и вытаскивали катера на берег. Это

было для нас очень плохо. В начале апреля, после ремонта катера мы все погрузили на платформы и повезли в г. Запорожье. Там выгрузили, собрали паромы, и пошли вниз по течению Днепра. Впереди нас шли два парома по фарватеру. Километров двадцать прошли, случилась большая беда. Наш катер парома подорвался на mine, взрыв произошёл под большим отсеком, сантиметрах в тридцати от машинного отделения. Мы с помощником находились в машинном отделении, от взрыва меня контузило, катер и паром стали быстро погружаться в воду под углом 45 градусом, все, что находилось на верхней палубе, полетело в воду. Нас быстро вытащили из машинного отделения и увезли в госпиталь. А катер поставили на ремонт, под паром подвели другой катер.

Десять дней мы пролежали в госпитале. За это время отремонтировали наш катер, и мы отправились догонять своих товарищей по службе. А они, тем временем, находились на реке Южный Буг. На Южном Буге, у деревни Трёххатка, мы навели мост. Прошло около месяца, я находился на мосту, приходит на мост посыльный из штаба полка и говорит: «Вам нужно явиться немедленно в штаб полка». Я прибыл в штаб полка, вижу, что сидит незнакомый мне майор в красных погонах, девять человек сержантов и младших сержантов. Майор поднялся и начал докладывать о том, что он из военной контрразведки фронта и им нужна наша помощь, что обстановка на передовой тяжёлая, немцы по ночам забрасывают к нам на парашютах диверсантов, что дополнительно мы еще получим инструктаж. Когда мы прибыли на

передовую нас действительно проинструктировали, вооружили, разбили по группам. Нам с Юшковым дали старшего лейтенанта.

Оказалось, что немцы из лагерей выбирали наших военнопленных, подкармливали их, одевали на них форму наших офицеров высшего командного состава и выдавали им соответствующие документы, чтобы их очень трудно было задержать. И это происходило по той причине, что наш командный состав в то время передвигался без обыска. Многие из подсланных немцами офицеров сдавались нам, а некоторые наоборот работали на немцев и передавали им информацию о нашей армии.

Так мы ездили по передовой. Восемь человек мы выловили, которые работали на немцев. Но некоторые из них сами сдавались. Потом наши «засекли» в одном месте, недалеко от дороги в лесном массиве работающую рацию. Нам всё объяснили, как действовать, дали нам в помощь десять солдат и мы подъехали к тому месту, где работает рация. Пошли цепочкой с левой стороны леса, потом повернули направо и назад. Немного отошли, как раздался выстрел в нашу сторону. Рядом со мной шёл Иван Юшков, и этим выстрелом его ранило, он упал, а мы все залегли. Старший лейтенант подполз ко мне и говорит: «Перевяжи его, а сам ползи в обход и действуй по обстановке. При необходимости стреляй на поражение». Я тут же пополз в обход. И смотрю,- сидят двое вооруженных, один в форме подполковника, а второй в форме майора, а рядом радиопередатчик. Я приподнялся на колено, взял на прицел одного из них и крикнул «Сдавайтесь, вы окружены». Майор в это же время резко обернулся ко мне и из пистолета хотел

выстрелить в меня, но я опередил его, выстрелил и попал ему в плечо и пистолет выпал у него из рук. Подполковник бросил оружие, приподнялся на колени и крикнул: «Мы сдаёмся». Тут же подбежал наш старший лейтенант и другие наши ребята. Мы их забрали в машину. На допросе они нам кое-что рассказали, очень нужное для нашей армии.

После, дней через пять, получаем телеграмму: «Срочно прибыть в полк». В это время старший лейтенант говорит нам: «Вы хорошо поработали, у нас в борьбе с немецкими захватчиками я представляю вас к награде».

Прибыли в полк, мост уже разведен. Приказ: Спуститься вниз по течению к чёрному морю до г. Одесса. Прибыли в Одессу, на море шторм. А нам нужно было четверем паромам, в том числе и нашему парому, пройти через Чёрное море, подняться вверх по реке Дунаю до Румынии и так производить паромную переправу наших войск через реку Дунай.

Прошла неделя. Утром в пять часов услышали приказ «Заводи моторы, полный вперед». Я говорю начальнику парома: «Подними всех на верхнюю палубу за исключение рулевых». Мы поднялись на верхнюю палубу и запели песню: «Прощай любимый город» это было далеко слышно. Сопровождал нас морской катер. Мы продолжали идти дальше.

В шесть часов вечера мы вошли в устье Дуная. У меня был помощником Соболев Гриша, он не переносил морскую качку и его целый день укачивало.

В городе Тульга, там стали производить паромную переправу наших войск. Этот переход мне запомнился на всю жизнь. Это было действительно тяжёлое испытание для нас. Катера наши бросало по волнам как щепки. Когда паром подбрасывает волной вверх, винты работают в холостую. Развиваются страшные обороты двигателя, и думаем вот - вот разорвется мотор. А потом опять паром погружается в воду. Подтянули весь полк, и мы двинулись дальше через Болгарию в Югославию.

Ниже города Белграда в одном месте ещё не был освобождён от немцев, а нам нужно было пройти в Венгрию. Недалеко от города Белграда паромы «перестраиваются» в другое положение, чтобы пройти по обводному каналу.

Катера второго батальона шли впереди. При выходе на Дунай три катера второго батальона подорвались на минах. Шесть человек погибло, а пятерых ранило.

В Венгрии в г. Байя навели мост, он простоял немного. Пошёл ледоход и его льдом сорвало так же как в г. Днепропетровске. Разорвало мост посередине пополам. Нашу половину моста прижало льдом к правому берегу.

Передовая линия фронта проходила от нас километров десять. Дают приказ срочно вытащить изо льда несколько уцелевших паромов. Вытащили три парома, в том числе и наш.

Очистили ото льда проход и начали круглосуточно на трёх паромах производить переправу наших войск. Обстановка на передовой была очень напряжённая. Паромы работали круглые сутки. В этом месте линию фронта обороняли Болгарские дивизии.

Немецкие дивизии прорвали линию фронта. И наши войска начали отступать.

Прошло два дня. Утром готовим паром к погрузке. Подходит к береговой, где стоял наш паром, легковая машина. Из машины выходят офицеры, поднимаются по трапу к нам на паром. Я стоял на палубе у машинного отделения. Оказалось, что там был маршал Талбухин, командующий третьим украинским фронтом, наш командир полка подполковник Тельников и ещё два офицера. Маршал заметил меня, махнул мне рукой, я быстро поднялся на паром и доложил ему как положено по уставу. Он говорит нашему командиру полка: «Сколько можно погрузить на паром самоходных орудий за один раз?» и он ответил так не уверенно: «Да, наверно три» И после неуверенного ответа командира полка, маршал Талбухин обращается ко мне: «А что скажите вы сержант?» Я ему отвечаю: «А мы уже переправляем третьи сутки по шесть самоходных орудий за один раз и по четыре танка». И он потом на командира полка: «Бездарный ты командир, я сниму с тебя сейчас погоны». Но он ничего этого не сделал, а снял со своей руки часы и вручил их мне, как подарок.

Когда немцев отогнали дальше, мы начали вытаскивать остальные паромы изо льда и ремонтировать их. В этом городе мы находились до конца войны. Город Бойя находился от столицы Венгрии г. Будапешта километров пятьдесят.

ПОБЕДА!

И вот дождались долгожданного дня Победы! В ночь с восьмого на девятое мая 1945 года слышим в городе беспорядочную стрельбу. Дневальный кричит: «Победа»!!! Я хватаю из пирамиды свой автомат, бегу на улицу и даю тоже залп в воздух.

До утра никто не спал. А утром весь полк построили. Командир полка всех поздравил с днём Победы» и пошли маршем по городу. Впереди Красное полковое знамя, потом духовой оркестр. За оркестром офицерский состав, а за офицерами наша рота. Я был в первом отделении, в первом взводе, шёл почти первым. Для меня это было очень приятно, это был самый радостный день в моей жизни. После маршировки было приготовлено застолье. Это был для нас самый радостный в жизни день.

После этого мы в основном находились на катерах. 12-го мая, я и ещё один со мной старший сержант на 2-х автомашинах поехали в Австрию за пополнением.

25 Мая меня избрали комсоргом роты, а 30 мая избрали кандидатом в члены КПСС.

В июне месяце вышел указ о демобилизации некоторых военнослужащих из рядов красной армии. Демобилизовали всех женщин и мужчин до 1918 года рождения.

Я в первую демобилизацию не попал. Пришлось продолжать службу ещё один год.

ДОМОЙ!

А 13 мая 1946 года вышел второй указ о демобилизации. И 18 мая 1946 года мы поехали из города Будапешта домой. За нами шёл второй поезд гружённый демобилизованными артиллеристами.

Переехали мы границу. Неизвестно по какой причине во время движения наш поезд задержали, а вперед нас пошёл поезд груженый артиллеристами по северному направлению. А наш поезд отправили по южному направлению на г. Киев.

При прибытии в г. Киев нам сообщили, что поезд с артиллеристами бандеровцы пустили под откос, много ребят пострадало.

Мы ехали домой радостно. Вернулось нас в город Кемерово 17 человек, а уезжало нас в 1940 году на фронт 35 человек. На станцию Предкомбинат мы приехали 25 мая 1946 года ночью.

Я раньше из Венгрии писал что еду домой, родители меня ждали. Я зашёл домой, мама была дома одна, а папа и сестра Люба были на работе. Это была такая радостная встреча. А вечером собрались все родственники. Прослужил я почти шесть лет. В городе многое за это время изменилось.

Когда нас отправляли домой, то каждому выдавали по 3600 рублей и по 10 метров шёлка и талоны на питание на 1 месяц. Это было хорошо.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЖИЗНЬ. ТРУДОВЫЕ БУДНИ.

Жизнь после войны была тяжелая. Продукты получали по карточкам. Немного отдохнул и пошёл работать на свой комбинат №392 контролёром в отдел технического контроля. Появились новые друзья. Ходили на танцы. Мы жили в той же старой избушке.

Весной 1947 мы начали строить новый дом тесово-засыпной по ул. Артема, где и жили. Летом 1947 года познакомился с девушкой Загайновой Анной, а 27 сентября мы поженились. Она в то время работала на заводе Коммунар.

В 1948 году 4 августа у нас родился сын Володя. В это время отменили карточную систему.

В 1950 года 6 мая меня приняли в члены КПСС.

10 июля 1950 года у нас родился второй сын Серёжа.

В то время хлеб стали продавать свободно в магазинах. Но чтобы купить булку хлеба нужно отстоять в очереди несколько часов.

В 1957 году моя мама умерла. Папа женился на другой женщине. Ему было в то время 68 лет.

После смерти И.В. Сталина была произведена в стране амнистия. Многих уголовников из лагерей тюремных освободили.

В нашем районе ходило всего два автобуса переполненные пассажирами. Ездить было не возможно. Я так же работал в ОТК контролёром в 5-ом цехе завода.

Карманники нагло лезли в карманы. У меня однажды вытащили из кармана немного денег. У моей жены так же пытались вытащить из кармана деньги. Я обозлился на них и решил вести борьбу с нарушителями.

Познакомился с Левашовым Михаилом Ильичом. Он работал в то время участковым уполномоченным Райотдела милиции. Это был отличный работник, хороший организатор. Он организовал на своём участке бригаду содействия милиции (Б.С.Т). Бригада была разбита на группы. Мне поручили возглавлять группу по борьбе с карманными ворами. Группа состояла из 4-х человек, в том числе и девушка. Мы по воскресеньям ездили на автобусах. Многих карманников мы выловили. А потом они узнавали нас. Мы в автобус, а они на следующей остановке из автобуса. Дальше нам работать было бесполезно.

Было ещё много событий. Мы всё ещё в то время жили на улице Артёма №25.

В середине мая месяца 1956 года в шесть часов утра я вышел на улицу. Смотрю, идут со стороны завода «Строммаш» трое подростков и что-то несут за спиной. Мне показалось это подозрительным. Я подошёл потихоньку за стайку к забору. Как только они поравнялись со мной, я крикнул им: «стойте». Они от неожиданности растерялись, бросили вещи, которые они несли и бежать. Я перескочил через забор и побежал за ними. Они, добежав

до улицы Герцена, остановились. Старшему из них в то время было 19 лет. Но видя, что у меня в руках ничего нет, они снова кинулись бежать. Но я одного из них задержал и привёл в милицию. Он всё рассказал и остальных, потом задержали. Выяснилось, что они ночью через форточку проникли в кабинет к директору школы №36 и кое-что похитили.

И ещё вспомнил некоторые события: В 1956 году в конце сентября месяца, мы в то время, ещё проживали по улице Артёма №25, приходит к нам сестра моей жены Анны Лиза и говорит: «К нам приехали гости из Алтайского края, приходите сейчас к нам».

Время было 8 часов вечера. Она ушла. Мы собрались и пошли. С нами пошёл наш сын Серёжа. Вышли из дома, идём по улице Герцена. Идут к нам навстречу двое парней. Мы от них немного отвернули, а они идут на нас в упор. У меня в правой руке фонарик. Один из них говорит нам: «Бросай, что у тебя в руке, а то худо будет вам».

Я заметил, что у него в правой руке нож. Анна с сыном Серёжей шли с правой стороны от меня. Я тихонько рукой дал знать ей, чтобы они забежали к соседу во двор, что они и сделали. А я рванул и побежал обратно назад. Они за мной. Я свернул к своему дому, но они за мной не побежали. Я заскочил в свою ограду, хватаю топор и выбегаю на перекрёсток, а они уже идут к Дунайской улице. Я подхожу к Анне, и мы пошли к месту назначения. Пришли к теще, а у них проживал на квартире парень по национальности армянин. Он видит, что мы зашли разволнованные и спрашивает: «Что с вами?» Я рассказал, что с нами произошло. А он отвечает: «Они

далеко не должны ещё уйти». Берет у меня топор, и мы пошли к тому месту. Идём прямо по направлению к улице Дунайская. В это же время со стороны завода, Строммаш идёт женщина. Как мы потом узнали, что она работает на заводе кассиром, выдавала деньги рабочим. Они её остановили, женщина закричала: «Помогите». А мы уже в это время находились не далеко от них. Подбежали, отобрали у них нож, скрутили им руки и доставили в милицию.

С 1959 года мы проживали не далеко от железнодорожной станции Правотомская. В июне 1959 года в восьмом часу вечера мы с женой находились во дворе своего дома. Слышим из кустарника крик девушки, «Помогите» Мы побежали туда. Оказалось двое парней пытались изнасиловать девушку. Увидев нас, они побежали в разные стороны. Один из них побежал в сторону станции. Охранник его задержал. Мы подбежали, связали ему руки и доставили в милицию.

Зимой этого года я шёл с работы домой. На автобусной остановке клуба ТЭЦ захожу в автобус, навстречу мне выходит карманный вор по кличке «Куцый». Как только автобус немного отошёл, одна из женщин в автобусе закричала: «Меня обокрали, вытащили из кармана деньги». Я сразу остановил автобус, говорю этой женщине: «Выходи из автобуса, я знаю, кто у вас вытащил деньги, он далеко не должен уйти». Зашёл в скорую и позвонил в милицию и пошли обратно к клубу ТЭЦ. Смотрим, карманник идёт, пересекает нам дорогу. Я за ним, догнал его и задержал. И тут же подъехала милиция, и его увезли.

Деньги в сумме 50 руб. возвратили женщине. Товарищ Левашов М.К. много уделял внимания работе с общественностью. Он организовал большой коллектив, но бывшему начальнику милиции Богданову это не нравилось. Он решил избавиться от Левашова М.К. Тогда мы вместе с Левашовым поехали в редакцию газеты «Кузбасс».

Вскоре после этого в газете «Кузбасс» появилась статья Валентина Махалова «Заговор равнодушных»

В сентябре 1959 года на 5-ый цех дали трёхкомнатную квартиру. Председатель собирает цеховой комитет. Приглашают и меня на цеховой комитет, так как ранее я был избран членом цехового комитета. Председатель докладывает, что на цех выделили трёхкомнатную квартиру и предварительно мы обсудили этот вопрос и решили дать эту квартиру секретарю организации товарищу Куликову. Я встал и говорю: «Как это вы смогли решить такой вопрос, когда товарищ Куликов проживает в благоустроенной двухкомнатной квартире вдвоём с женой по улице Ушакова 26. А вот слесарь первого участка товарищ Оспищев проживает в бараке. Семья из 5-ти человек и одной комнате. Барак на половину уже сломан. Так кому же давать квартиру?» Встаёт начальник цеха и говорит: «Ни в коем случае товарищу Куликову квартиру не давать». Квартиру эту получил слесарь Оспищев. Потом товарищ Оспищев меня благодарил за это. Я всегда отстаивал интересы рабочих. По этому, рабочие цеха относились ко мне с большим уважением.

Осенью этого 1959 года меня избрали от завода «Прогресс» делегатом на районную партийную конференцию. Я написал записку для выступления на конференции. Мне предоставили слово первому. Для меня это было очень приятно. В своём выступлении я подверг резкой критике о работе начальника милиции тов. Богданова и его заместителя тов. Воронкова. Моё выступление было встречено бурными аплодисментами. Впоследствии тов. Воронкова сняли с работы, а тов. Богданов получил взыскание.

В отделе технического контроля я проработал до конца 1959 года. Перешёл работать в пятый цех этого завода на шестой участок завхозом участка. Меня сразу же избирают в цехе парторгом участка и членом цехового комитета.

В ноябре этого же года меня избирают делегатом на отчётно-выборную профсоюзную конференцию завода. На конференции избирают в заводской комитет профсоюза. В заводском комитете дают портфель председателя жилищно-бытовой комиссии завода.

Каждую пятницу меня освобождали от основной работы. И мы с инспектором жил. Фонда тов. Головачёвой ходили, разбирались по заявлениям, которые писали рабочие завода в разные организации вплоть до президента. А потом в пять часов вечера приходили в заводоуправление на заседание жилищно-бытовой

комиссии. На комиссии вели приём зам. Директора комбината тов. Голубев и председатель ЖКО тов. Арсеньев.

В то время жилищно-коммунальный отдел находится недалеко от сталыоста. А в это время освободился рубленый двухэтажный дом, который стоял в то время, где сейчас пенсионный фонд. Начальник ЖКО тов. Арсеньев зам. Директора тов. Голубев, выносят на заседание комиссии вопрос о перенесении ЖКО в тот рубленый дом, который был свободный. Я об этом узнал и сказал своим членам комиссии, чтобы не соглашаться с ними по этому вопросу. Так на комиссии у них по этому вопросу ничего не получилось. Я говорю: «ЖКО может ещё простоять на своём месте, а в тот дом можно заселить пять семей рабочих из бараков». А бараки в то время разваливались, жить рабочим негде. Председатель зав. Кома нас поддержал, а те рабочие, которых заселили в тот дом, нас благодарили.

В 1962 году я перешёл работать в центровую заводскую лабораторию стеклодувом, а потом работал старшим стеклодувом до ухода на пенсию.

В ЦЗЛ меня избирают зам. секретаря партийной организации, а через год секретарем. Секретарём проработал и командиром добровольной народной дружины одновременно до 1973 года.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ

В июле 1973 года меня проводили на заслуженный отдых, но я продолжал выполнять партийные поручения.

Сыновья: Володя закончил техникум и работал мастером на заводе «Прогресс», Сергей так же закончил техникум и работал на П.К.Ц. электриком.

У меня хорошие внуки и прекрасные правнуки. Внук Дима и внучка Наташа закончили институт, работают на хорошей работе. Внук Дима в «Кузбассэнерго» старшим диспетчером оперативно-

диспетчерской службы. Нам было очень приятно, когда узнали, что портрет Димы, в честь профсоюзного праздника и за многолетний и плодотворный труд в энергетической отрасли и большой вклад в развитие этой отрасли, направлен в Москву, на доску Почёта.

А Наташа работает в кондитерском цехе «Барыня» кондитером. Я очень люблю своих детей и чужих.

Правнучка Юлия Пасынкова учится в 19 школе в девятом классе. Ходит в Губернаторский хор, поёт песни. В 2013 году ездила с хором в г. Сочи на фестиваль. В 2014 году 5-го декабря в ДК «Шахтеров» мэр города Ермаков В.К. вручил ей в торжественной обстановке медаль за хорошую учёбу и за участие в хоре.

Правнук Лёша учится в шестом классе в школе №36 на «хорошо», занимается спортом. В марте 2013 года на областных

соревнованиях по ДЗЮДО среди участников в 200 человек занял третье место, получил награду - медаль и Почётную грамоту.

В конце декабря 2013 года, так же на соревновании в Кировском районе города Кемерово, занял третье место и отмечен Почётной грамотой. В октябре 2014 года на соревновании в спортклубе «Арена» так же занял третье место, получил награду: медаль и Почётную грамоту.

Я испытываю чувство гордости за своих внуков и правнуков.

В 2000 году умерла моя жена Анна. Мы с ней прожили в хороших отношениях и в уважении друг друга. Оставшись один, я начал ходить в

социальную защиту в клуб «Добрые сердца». Там познакомился с Лидией Николаевной Фаитеевой, мы стали встречаться и поженились. Она хорошая женщина, добрый человек. Она так же работала на заводе «Прогресс» инженером - строителем в отделе. У нее тоже хорошие внуки. Внучка Даша ходит в детский хор и учится в гимназии в седьмом классе на отлично. В августе 2014 года Губернатор Кемеровской области А.Г. Тулеев за отличную учёбу и участие в хоре, вручил ей медаль.

В 2012 году было очень много хороших событий: ко дню пожилого человека в торжественной обстановке в ДК «Шахтеров», глава города В.К. Ермаков, вручил мне Диплом победителя городского конкурса «Дедушка года» и ценный подарок. В этом я очень благодарен руководителю хора «Добрые сердца» Кручининой Ольге Коминтерновне. А ещё я вспоминаю замечательное событие, которое произошло 8 мая 2013 года, возили меня на приём к Губернатору области, где нам вручали медаль в честь семидесятилетия области. В этом я так же благодарен председателю совета ветеранов Кировского района, Фёдоровой Г.Ф.

Вспоминают ещё одно событие. Мы с Лидией Николаевной шесть лет ходили в дворец Культуры Кировского района, в хор «Надежда» которым руководила

Пугачёва Лариса Петровна. Это хороший руководитель. Мы много ездили по всему городу с концертами. И вот в один прекрасный день поехали мы в Анжеро-Судженск с концертом. Лариса Петровна говорит мне: «Вам придётся петь песню «Дороги». Пропел я эту песню, смотрю в зал, в первом ряду сидел мужчина, который поднялся, и за ним поднялись все зрители в зале и они все стояли и аплодировали мне. Для меня это было очень приятно.

Судьба моя не легкая, но это судьба всего нашего поколения. На долю нашего поколения выпало много тяжелых испытаний, особенно в годы Великой отечественной войны. И всё же я доволен своей судьбой. Я рад, что у меня хорошая семья, хорошие сыновья, хорошая жена, сноха, внуки и правнуки. Сноха Тамара Николаевна так же работает на заводе «Прогресс» очень хорошая женщина.

За работу на заводе «Прогресс» я был награждён медалью за «Трудовые отличия» за добросовестный труд. Много раз награждался почётными грамотами и денежными премиями. За освобождение Украины от немецко-фашистских захватчиков, награждён орденом «Отечественная война»